

УДК 159.973

EDN QYXVYT

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-224-235>

Научная статья

Телесные модификации как культурно-исторический феномен самоповреждающего поведения

Т. В. Обиночная^{✉1}, С. Н. Ениколопов¹

¹ Научный центр психического здоровья, 115522, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, д. 34

Сведения об авторах

Тамара Владимировна Обиночная, e-mail: obinochnaya.tamara@gmail.com

Сергей Николаевич Ениколопов, SPIN-код: [6911-9855](https://orcid.org/0000-0002-7899-424X), ResearcherID: [C-2922-2016](https://orcid.org/C-2922-2016), ORCID: [0000-0002-7899-424X](https://orcid.org/0000-0002-7899-424X), e-mail: enikolopov@mail.ru

Для цитирования: Обиночная, Т. В., Ениколопов, С. Н. (2023) Телесные модификации как культурно-исторический феномен самоповреждающего поведения. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 2, с. 224–235. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-224-235> EDN QYXVYT

Получена 7 августа 2022; прошла рецензирование 5 октября 2022; принята 24 ноября 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Т. В. Обиночная, С. Н. Ениколопов (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В последние десятилетия отмечается рост популярности телесных модификаций (татуировок, пирсинга, пластических операций). Несмотря на то, что разработанность этой темы в науке крайне мала, есть ряд исследований, указывающих, что у лиц с телесными модификациями больше трудностей в социальной адаптации, выше уровень психологического неблагополучия и, как следствие, выше риски отклоняющегося поведения. Эти факты указывают на необходимость более глубокого изучения феномена телесных модификаций и их психологического механизма. В статье предпринята попытка установить функциональный смысл такого явления, как телесные модификации, дать определение понятию и обозначить место феномена в структуре аутоагрессивного поведения.

Материалы и методы. В статье рассматривается история происхождения и развития практики нанесения татуировок в человеческой культуре, феномен модификаций тела сопоставляется с феноменом несуицидального самоповреждающего поведения, приводятся данные о распространенности и классификациях модификаций тела и самоповреждений.

Результаты. Телесные модификации рассматриваются как форма самоповреждающего поведения. Делается вывод о том, что современная практика модификаций тела является сложной социализированной и окультуренной формой самоповреждающего поведения, которая возникла в результате эволюционного развития общества. В контексте культурно-исторического подхода установлен функциональный смысл телесных модификаций, который трактуется как опосредствование аффекта, являющегося натуральной психической функцией, через внешний знак — модификацию тела. Татуировка рассматривается как орудие овладения и управления негативными переживаниями, которые не достигли стадии высшей психической функции — зрелой эмоции.

Заключение. Рассмотрение феномена телесных модификаций в контексте культурно-исторического подхода позволяет дать научное обоснование взаимосвязи этого феномена с особенностями психической деятельности субъекта. Дальнейшее научное изучение этой взаимосвязи важно для формирования правовой основы регулирования индустрии пластических операций, которая получает широкое распространение в ответ на запросы общества, но это вовсе не означает, что она отвечает интересам потребителя в части охраны и поддержания его здоровья. Кроме того, доступность татуировок и пирсинга для объективного наблюдения позволяет широко использовать этот поведенческий индикатор в целях первичного выявления лиц с повышенным риском дезадаптации как в сфере образования, так и при профессиональном психологическом отборе.

Ключевые слова: модификация тела, татуировка, пластическая операция, самоповреждение, несуицидальное самоповреждающее поведение, девиантное поведение, аутоагрессивное поведение, культурно-исторический подход

Research article

Bodily modifications as a cultural and historical phenomenon of self-harming behavior

T. V. Obinochnaya^{✉1}, S. N. Enikolopov¹¹ Scientific Center of Mental Health, 34 Kashirskoe Hwy, Moscow 115522, Russia**Authors**Tamara V. Obinochnaya, e-mail: obinochnaya.tamara@gmail.comSergey N. Enikolopov, SPIN: [6911-9855](https://orcid.org/0000-0002-7899-424X), ResearcherID: [C-2922-2016](https://orcid.org/C-2922-2016), ORCID: [0000-0002-7899-424X](https://orcid.org/0000-0002-7899-424X), e-mail: enikolopov@mail.ru**For citation:** Obinochnaya, T. V., Enikolopov, S. N. (2023) Bodily modifications as a cultural and historical phenomenon of self-harming behavior. *Psychology in Education*, vol. 5, no. 2, pp. 224–235. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-224-235> EDN QYXVYT**Received** 7 August 2022; reviewed 5 October 2022; accepted 24 November 2022.**Funding:** The study did not receive any external funding.**Copyright:** © T. V. Obinochnaya, S. N. Enikolopov (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russian. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).**Abstract**

Introduction. There are a number of studies indicating that people with bodily modifications have more difficulties in social adaptation, a higher level of psychological distress and, as a result, higher risks of deviant behavior. These facts indicate the need for a deeper study of the phenomenon of bodily modifications. The article attempts to establish the functional meaning of bodily modifications, define the concept and identify the place of the phenomenon in the structure of auto-destructive behavior.

Materials and Methods. The article compares the phenomenon of body modifications with the phenomenon of non-suicidal self-harming behavior. The article also provides data on the prevalence and classifications of body modifications and self-harm.

Results. Bodily modifications are considered as a form of self-harming behavior. It is concluded that the modern practice of bodily modifications is a complex socialized form of self-harming behavior that arose as a result of the evolutionary development of society. The functional meaning of bodily modifications is established: it is understood as the mediation of affect, which is an immature mental function, through an external sign, which is the modification of the body. Tattooing is considered as a tool for mastering and managing negative experiences that have not reached the stage of mature emotion, which is the highest mental function.

Conclusions. The analysis of the phenomenon of bodily modifications allows us to give a scientific justification of its relationship with the specifics of the mental activity of the subject. Further scientific study of this relationship is important—e. g., for the formation of a legal framework regulating the plastic surgery industry (“endo-modifications”). In addition, the availability of tattoos and piercings (“exo-modifications”) for objective observation makes it possible to widely use this behavioral indicator for the primary identification of persons with an increased risk of maladaptation in the field of education.

Keywords: bodily modification, tattoo, plastic surgery, self-harm, non-suicidal self-harming behavior, deviant behavior, auto-aggressive behavior, cultural and historical approach

Введение

Распространенность самоповреждающего поведения (СП) и различных модификаций тела среди современной молодежи говорит о необходимости более углубленного изучения этих явлений. Самоповреждающее поведение и модификации тела — тесно связанные между собой явления. Это прослеживается на протяжении всей истории человечества с древнейших времен: «Ради умершего не делайте надрезов на теле

вашем, и не накалывайте на себе письмен. Я Господь [Бог ваш]» (Бутромеев, Буртомеев 2011). Многие исследователи указывают на связь самоповреждающего поведения и модификаций тела как явлений одного порядка (Польская 2021; Favazza, Rosenthal 1990; Walsh, Rosen 1988). И если самоповреждающее поведение рассматривается как неприемлемое и однозначно свидетельствует о психическом неблагополучии, то модификации тела воспринимаются в обществе терпимо, и психические особенности

личности, которые стоят за этим феноменом, только начинают изучаться. В настоящий момент есть исследования, свидетельствующие о наличии социального и психологического неблагополучия у лиц с татуировками (Меринов, Васильева 2020; Польская 2021; Смирнова и др. 2020). Установлено, что подростки с татуировками имеют в среднем более низкую успеваемость и менее склонны придерживаться школьных правил, чем подростки без татуировок. Также среди татуированных школьников более распространены девиантные формы поведения: употребление нецензурной речи, курение, употребление алкоголя и наркотиков, участие в драках (Собкин, Лыкова 2021). Исследования поведения заключенных показывают, что татуированные заключенные чаще нарушают режим, совершая насильственные действия, а также больше склонны к рецидиву насильственных преступлений, совершаемых после освобождения (Bales et al. 2013). Внешняя объективная наблюдаемость татуировки может являться важным диагностическим критерием в вопросах оценки суицидального риска и склонности к девиантному поведению среди молодежи.

Распространенность самоповреждений в мире среди подростков колеблется от 7,5 до 46,5%, среди взрослого населения — от 4 до 23% (Любов, Зотов 2020). Данные по распространенности несуицидального самоповреждающего поведения (НССП) различны у разных авторов и составляют от 5% до 21,4% среди молодых людей подросткового и юношеского возраста (Польская 2017).

В странах Европы хотя бы одну татуировку имеют около 10% населения (Kluger 2015). Опрос ВЦИОМ, проведенный в 2019 году, показал, что в России 11% опрошенных имеют татуировки (ВЦИОМ-СПУТНИК... 2019). Анкетирование учащихся 7–11 классов общеобразовательных школ из 17 регионов России показало, что из 32714 респондентов имеют татуировки 1517 школьников, что составляет 4,6 % (Собкин, Лыкова 2021). По данным исследования Д. И. Кубанцевой и С. Р. Ростовской, которые провели анкетирование среди 342 юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет из различных регионов России, среди опрошенных татуировки имели 16,6% респондентов. Было установлено, что татуировки в этом возрасте больше не означают только принадлежность к какой-либо субкультуре, как это было некоторое время назад; основными мотивами нанесения тату являются самовыражение и самоидентификация (67,9%), а также эстетический мотив (31,8%) (Кубанцева, Ростовская 2021).

В статье предпринята попытка выявить психологический смысл такого явления, как телесные модификации, дать определение понятию и обозначить место феномена в структуре аутоагрессивного поведения. С этой целью рассматривается история происхождения и развития практики нанесения татуировок в человеческой культуре, феномен модификаций тела сопоставляется с феноменом несуицидального самоповреждающего поведения, приводятся данные о распространенности и классификациях модификаций тела и самоповреждений. Также рассматриваются положения культурно-исторического подхода применительно к эмоциям, в рамках которого они понимаются как высшие психические функции, и описывается психологический механизм возникновения телесных модификаций и несуицидальных самоповреждений.

Модификации тела и практика самоповреждений в традиционной культуре и различных субкультурах

Татуировка известна с древнейших времен. Самая древняя мумия, имеющая 58 татуировок, датируется 5 тыс. лет до н. э. География распространения татуировки охватывает все континенты (Медникова 2007; Хамбли 2014).

На африканском континенте широко распространена скарификация (шрамирование), также практикуется прокалывание частей тела на лице, ампутация пальцев. На Ближнем Востоке татуировки встречаются у женщин турок, арабов, курдов, а также среди кавказских женщин в Дагестане, Азербайджане, Армении и Грузии. Татуируют преимущественно части лица и запястья узорами в виде точек или линий. В Южной Индии делают татуировки прошиванием, прижигают различные части тела в медицинских и профилактических целях, растягивают мочки ушей ношением в них тяжелых предметов, заостряют передние зубы. Татуировка была хорошо известна северным народам Азии: эвенкам, якутам, хантам, манси. Племена Океании помимо нанесения рисунка с помощью краски чернили зубы, пробурывали носовую перегородку. В Австралии была распространена скарификация, выбивание передних зубов. В Северной Америке татуировка в виде прошивания появилась у эскимосов на Аляске, у американских индейцев практиковалось шрамирование, окрашивание тела и татуировка прокалыванием. В Южной Америке у большинства племен была распространена практика прободения носа, ушей, нижней губы, в отверстия

вставлялись различные предметы (Медникова 2007; Хамбли 2014).

В традиционных обществах существует несколько видов нанесения татуировок. Прежде всего, это прокалывание кожи острым предметом, краска наносится втиранием в кожу по поврежденному месту или предварительно окрашивается острый предмет. Красителем мог выступать угольный порошок, сажа, позже — порошок, а также киноварь или тушь (Медникова 2007). Другой вид нанесения узора на тело — это скарификация (или шрамирование). При данном методе кожа сначала прокалывается иглой, затем приподнимается, и при помощи острого предмета разрезается до дермы. Поднятие кожи облегчает ее разрезание до нужной глубины. При заживании раны на теле остаются рубцы, которые и составляют определенный рисунок. Нанесение краски при таком методе не обязательно (Хамбли 2014). Чаще скарификация встречается у племен Африки, т. к. краска на темной коже не видна. Также среди африканских народов имел широкое распространение метод клеймения — нанесение изображения путем прижигания кожи раскаленным металлом. Еще один болезненный метод — прошивание кожи нитками. Нитки могли предварительно окрашиваться, в дальнейшем их извлекали. Техника прошивки практикуется в Сибири и у коренных народов Аляски (Раш 2011). В традиционных обществах делаются отверстия в ушной раковине, носовой перегородке, щеках, губах. В эти отверстия могут вставляться различные предметы (кости животных, деревянные палочки, кольца). Изменяется форма шеи, ступни или черепа путем наложения специальных приспособлений. Отрезаются части пальцев, выбиваются или обтачиваются зубы (Медникова 2007).

Функции модификаций тела в традиционном обществе можно свести к трем основным: 1. Эстетическая (или декоративная); 2. Информационная (или социальная); 3. Магико-религиозная (и медицинская). Эстетическая функция татуировки понятна, за ней стоит желание человека украсить себя, свое тело, сделать его более привлекательным для окружающих. Информационная функция татуировки заключается в том, что тело человека в архаическом обществе являлось одновременно и его «паспортом», «досье», «личным делом». Нателные знаки отражали социальную принадлежность (к какому племени или роду относится человек), социальный статус (переход из детства во взрослость, замужество, вдовство, принадлежность к правящей касте), род занятий, определенные достижения (количество убитых врагов у мужчин

или количество детей у женщин), знак траура. Также татуировка является и индивидуальным знаком и кроме групповой идентичности отражает «Я» индивида (это могут быть знаки тотемных животных, имя). Магико-религиозная функция татуировки проявляется в том, что во многих племенах сам процесс нанесения татуировки представляет собой обряд. Этот обряд может занимать продолжительное время, ему сопутствуют прочие ритуалы, связанные, например, с тем, что человек, которому наносится татуировка или делается скарификация, должен проживать в специально отведенном для этого месте, принимать пищу определенным образом и т. п. Рисунки и знаки, наносимые на тело, являются оберегами, могут отражать религиозные верования и убеждения человека, рассказывать о картине мира, о связи мира реального и загробного. Также у некоторых народов татуирование или изменение формы частей тела осуществлялось в «медицинских» целях. Например, изменение формы черепа у детей делалось, чтобы не было головной боли и эпилепсии. Различные татуировки были призваны облегчить боли при родах у женщин и т. п. (Медникова 2007; Раш 2011; Хамбли 2014).

Кроме модификаций тела в традиционных обществах существовали и практики самоповреждений, закрепленные в обрядах и традициях. Например, ритуал погребения у аборигенов Австралии предполагал нанесение каменными ножами глубоких ран в области бедер у мужчин и порезы кожи на голове у женщин, которые приходились родственниками умершему (Медникова 2007). В данном случае цель самоповреждений имеет сходство с целью несуйцидального самоповреждающего поведения — переживание негативных эмоций и обретение контроля над ними.

Помимо традиционных обществ, практика нанесения татуировок получила широкое распространение в криминальной субкультуре. По всей видимости это явление берет свое начало от обычая клеймения преступников, который был известен еще в Древней Греции и Древнем Риме. В России «до 1757 года осужденным вырывали ноздри и выжигали на лбу и щеках буквы “ВОР” и “КАТ”. Кроме того, людей клеймили аббревиатурами “С.К.” — ссыльнокаторжный, “С.П.” — ссыльный поселенец» (Медникова 2007, 159). Таким образом, знак на теле говорил о социальной принадлежности, об обособленности от остального общества. Будучи отделенной (или выделенной) и изолированной социальной группой, криминальное сообщество формирует свою собственную субкультуру

с присущими ей ценностями, законами, способами и стилем поведения, своим языком и социальной иерархией. И татуировка является неотъемлемой частью этой субкультуры. По данным В. Ф. Пирожкова, татуировки имеют более 70% нарушителей закона. Криминальные татуировки очень разнообразны. Это могут быть символы, цифры, аббревиатуры, тексты, рисунки. Выделяется несколько функций татуировок в криминальной среде: 1) сигнально-обособительная: татуировка указывает на принадлежность человека к преступному миру, позволяет распознать по принципу «свой-чужой»; 2) лично-установочная: «...по рисункам, знакам, надписям можно определить имя, возраст человека, место его рождения, количество судимостей, места отбывания им наказания, количество побегов, проведенный в колонии срок и другие “паспортные” данные» (Пирожков 2001, 155); 3) стратификационная функция татуировки заключается в том, что в зависимости от статуса заключенного в криминальной иерархии наносятся знаки отличия: «элите» уголовного мира наносятся «регалки» (от «регалии»), большинство заключенных делает себе самодельные татуировки («портачки»), низкостатусным и отверженным заключенным татуировка-клеймо («нахалка») наносится насильно; 4) декоративно-художественная функция татуировки — это украшение своего тела с целью понравиться окружающим; 5) религиозная функция: нанесение символов веры, татуировка может выполнять роль оберега; 6) сексуально-эротическая функция: татуировка говорит о сексуальной ориентации, содержит изречения любовного или эротического характера; 7) сентиментальная татуировка делается в память о значимых событиях, которые человек хотел бы запомнить навсегда; 8) профессионально-ориентированная татуировка отражает мечты или любовь к какой-либо профессиональной деятельности; 9) юмористическая татуировка носит развлекательный характер (Пирожков 2001).

Кроме татуировок в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) широко распространено аутоагрессивное поведение осужденных, которое включает в себя различные виды самоповреждений. Часто такие поступки сочетаются с симуляцией и аггравацией, но могут носить и самостоятельный характер. Так, В. Н. Волков выделяет три типа самоповреждений в ИТУ: 1) повреждение кожных покровов и легкодоступных органов (порезы, засыпание глаз битым стеклом или химическими веществами, переломы конечностей, вбивание острых предметов в кисти и стопы и т. п.); 2) повреждение

внутренних органов путем проглатывания или введения инородных предметов (гвоздей, проволоки, игл) в пищевод, желудок, мочевой пузырь, органы дыхания и т. д.; 3) комбинированные повреждения внутренних и наружных органов (вскрытие вен, подкожное введение воздуха или технических масел и т. п.). Аутоагрессивное поведение осужденных может быть связано с реакцией на психотравмирующую ситуацию, попыткой избежать наказания за нарушение «законов преступного мира», добиться смягчения режима, избежать труда и т. п. В среде осужденных есть «профессиональные членовредители», которые держат в тайне наиболее эффективные способы самокалечения и передают их только членам своей неформальной группы по секрету или за плату (Волков 1989).

Обычай наносить татуировку известен также во многих армиях мира и во флоте. Служба в армии или участие в боевых действиях — это особый период в жизни мужчины. В память о пережитых событиях, в знак принадлежности к армейскому братству военнослужащие делают татуировки, как правило, говорящие о принадлежности к определенным родам войск (десантники, подводники, летчики и т. д.) или о местах прохождения службы, используя для этого военную символику (Борохов 1994). Рисунок татуировки моряка характерен для флота всех стран мира, это могут быть простые изображения креста, якоря, сердца. Популярным являлось изображение русалок и женщин. Есть татуировки, которые ограждают их обладателя от возможности утонуть (Горденев 2007).

Молодежная субкультура как феномен возникла в 50-х годах XX века. «Молодежная субкультура была бы невозможна без проблем: в семье, в межличностных отношениях среди сверстников, безработицы, низкого статуса и т. д.» (Екинцев и др. 2007, 10). Она возникает как попытка решить проблемы самоидентификации, самоутверждения, принятия референтной группой тех подростков и молодых людей, которые не могут удовлетворить эти потребности в уже существующих группах (в семье, в учебном коллективе). В конце XX — начале XXI века известны такие субкультуры, как «хиппи», «гопники», «футбольные фанаты», «металлисты», «реперы», «байкеры», «панки», «скинхеды», «готы», «эмо», «аниме» и т. д. В каждом молодежном течении свои ценности и убеждения. Однако оформление внешности, указывающее на принадлежность к тому или иному направлению, в большинстве субкультур, как правило, является более важным, чем внутреннее содержание и идеология молодежного направления (Екинцев и др. 2007).

Одной из составляющих внешнего облика является татуировка. Татуировку как социокультурный маркер молодежных субкультур г. Владивостока исследовали Л. А. Мельникова и др. Ими определены такие современные функции татуировки, как самовыражение, приобретение уверенности, объединение со значимой группой, демонстрация своих ценностных установок и т. д. Для представителей молодежи, которые не относят себя ни к какому молодежному течению, основной функцией татуировки является «эстетическая» (Мельникова и др. 2014). По данным И. В. Бондаренко, которая описала оформление внешности представителей молодежных субкультур г. Читы, модификации тела практикуются в основном в таких субкультурах, как «эмо» и «готы». Они носят серьги-«тоннели», делают татуировки, пирсинг, подрезы на руках. «Панки» делают пирсинг на лице и татуировки. «Скинхеды» наносят татуировки с изображением паутины, рун, кельтских крестов. «Гопники» используют криминальные татуировки. У «байкеров» распространены татуировки с изображениями льва, волка, орла. «Хакеры» наносят татуировки с символом «глайдер» (Бондаренко 2013). Помимо модификаций тела в молодежных субкультурах также широко распространена практика прямых самоповреждений (Польская 2010).

Рассматривая историю возникновения и развития практики телесных модификаций, можно видеть, что модификация тела, возможно, впервые возникшая как шрам от самопореза, нанесенного во время переживания смерти близкого человека, приобрела функцию знака. Этот шрам означал, что его обладатель потерял родственника. След от самоповреждения стал нести информационную функцию, т. е. служить инструментом социального взаимодействия в обществе, претерпевать изменения и усложняться в процессе развития человеческой культуры. Так, практика самоповреждений «эволюционировала» в практику телесных модификаций, появлялись и совершенствовались функции, инструменты и техники модификаций тела. Помимо информационной возникла функция художественная или эстетическая, и сегодня татуировку можно рассматривать как произведение искусства. Пирсинг аборигенов как стремление украсить себя и подчеркнуть свой статус находит продолжение в практике пластических операций, которые являются модификациями тела, соответствующими уровню технического развития современного общества.

Таким образом, в отличие от прямых самоповреждений модификации тела являются более

сложной формой самоповреждающего поведения, которая возникла в результате культурно-исторического развития общества и является высоко социализированной, окультуренной формой самоповреждения.

Взаимосвязь самоповреждающего поведения и модификаций тела

Самоповреждающее поведение (СП) — это поведение, направленное на физическое повреждение тканей и органов собственного тела. В 1988 году Б. В. Уолш и П. М. Роузен предложили классификацию самоповреждений по степени тяжести вреда: 1) пирсинг ушей, небольшие татуировки — малая степень физического вреда, совершаются в спокойном состоянии, социально приемлемы; 2) пирсинг, татуировки в бандитских группировках и у моряков, ритуальные шрамы — средняя степень физического вреда, совершаются в спокойном или возбужденном состоянии, приняты в субкультурах; 3) порезы, препятствие заживлению ран, ожоги — средняя степень физического вреда, совершаются в состоянии психологического кризиса, приемлемы лишь в некоторых субкультурах; 4) ампутация, самокастрация — тяжелый физический вред, совершаются при психозе, социально неприемлемы (Walsh, Rosen 1988). В этой классификации модификации тела рассматриваются как более легкие самоповреждения, социально приемлемые и наносящие малую или среднюю степень физического вреда. Несуицидальное самоповреждающее поведение (НССП) соответствует третьему пункту данной классификации.

Американские психиатры А. Фавацца и Р. Розенталь предложили классификацию самоповреждений, в которой выделяют две формы: самоповреждения, обусловленные социокультурным укладом (ритуальные и украшения тела), и девиантные самоповреждения (значительные, стереотипные и поверхностные: компульсивные, эпизодические, систематические) (Favazza, Rosenthal 1990). В этой классификации все самоповреждения, по сути, подразделяются на модификации тела и НССП.

В DSM-5 представлены критерии несуйцидального самоповреждающего поведения, критерий D исключает модификации тела как повреждения, санкционированные обществом. НССП трактуется в DSM-5 как психопатологический симптом, сопутствующий ряду психических расстройств и суицидальным попыткам (American Psychiatric Association 2013).

Функционально-генетическая концепция самоповреждающего поведения Н. А. Польской описывает феномены и функции самоповреждающего поведения на разных этапах психического развития индивида. На ранней стадии развития ребенка это неосознанные самоповреждающие действия, которые возникают как аффективная реакция на фрустрацию (битье головой, самоудары), на более поздних стадиях — это намеренные акты самоповреждения, приобретающие личностное значение (самопорезы, самоожоги и т. п.). Выделяются такие формы самоповреждающего поведения как импульсивная, стереотипная и волевая, а также типы СП: реактивный тип СП формируется в младенческом возрасте как немедленный ответ на травмирующую ситуацию; дисфункциональный тип возникает начиная с дошкольного возраста как результат психологических дисфункций; идентификационный тип СП формируется в подростковом возрасте и является социально обусловленным. Также Н. А. Польская предлагает рассматривать модификации тела как идентификационный тип СП, т. к. они выполняют функцию контроля и идентификационную функцию (Польская 2021). Модификации тела также рассматриваются как непатологическая форма самоповреждения (Батлук, Пойлова 2020).

Все модификации тела условно разделяются на внешние модификации, которые предполагают привнесение новых атрибутов на поверхности кожи или под кожей, и внутренние, которые предполагают изменение формы или размера частей тела. Формальная функция и цель модификаций тела — художественная, т. е. украшение собственного тела и преобразование его с целью приближения к «идеалу». Однако опосредованно, через «улучшение» своего внешнего вида, человек реализует прочие цели: повышение своей самооценки, обретение статуса в значимой группе, самовыражение и самоидентификация.

Из всех видов модификаций тела лучше всего изучены татуировки. Проанализировав большое количество татуировок, А. Борохов разработал многоосевую классификацию, которая включает в себя три параметра. Первый — это изобразительные характеристики татуировок (форма, размер, количество, локализация); второй — групповая принадлежность (не связанные и связанные с групповой принадлежностью татуировки: культовые и этнические, профессиональные, военные, больные наркоманией, преступное сообщество, сексуальные меньшинства и т. д.); третий параметр — это смысловая нагрузка (декоративно-украшающие, памятно-

сентиментальные, криминальные статусно-стратификационные и т. д.). Анализ татуировок по этим трем осям позволяет дать интегральную оценку проявлений психопатологии личности (Борохов 2018a; 2018b).

Таким образом, модификации тела можно рассматривать как разновидность самоповреждающего поведения наряду с НССП. Модификации тела в отличие от НССП являются нормативным вариантом самоповреждения и, по всей видимости, соответствуют более «сохранной» структуре личности, чем НССП. Но в клинической практике часто можно встретить одновременное наличие как НССП, так и телесных модификаций у одного и того же пациента. Исследование методом опроса 432 респондентов, обладающих модификациями тела (татуировки и пирсинг), показало, что 27% из них наносили себе порезы в детстве (Stirn, Hinz 2008). Взаимосвязь телесных модификаций и НССП обусловлена тем, что они имеют одну природу. Самоповреждение означает нарушение целостности тела по воле самого человека. Таким образом, самоповреждение является неотъемлемой частью телесной модификации, т. е. процесс создания телесной модификации с необходимостью включает в себя акт самоповреждения (или повреждения с согласия субъекта). Этот акт не обусловлен целями сохранения здоровья, что принципиально отличает его от класса всех медицинских манипуляций. Кроме того, модификации тела, напротив, потенциально могут наносить вред здоровью (Temiz, Özlü 2021), следовательно, их можно рассматривать как вариант аутодеструктивного поведения, которое рассматривается как разновидность аутоагрессивного поведения наряду с суицидальным поведением (Руженков и др. 2008). В таблице приводится схема, отражающая место телесных модификаций в структуре аутоагрессивного поведения.

Таким образом, *телесные модификации* — это социально приемлемая форма самоповреждающего поведения, предполагающая не обусловленное медицинской необходимостью нарушение целостности тканей организма и направленная на изменение внешнего облика тела.

Модификации тела с позиций культурно-исторического подхода

Согласно системному историко-эволюционному подходу А. Г. Асмолова, «...реализация положения о необходимости изучения человека в процессе эволюции порождающей его

Табл. Структура аутоагрессивного поведения

АУТОАГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ					
<i>суицидальное поведение</i>		<i>аутодеструктивное поведение</i>			
внутренние формы	внешние формы	прямая аутодеструкция (самоповреждающее поведение)		косвенная аутодеструкция	
<i>пассивные мысли</i>	<i>попытки суицида</i>	<i>несуицидальное самоповреждающее поведение (НССП)</i>	<i>телесные модификации</i>	<i>аддитивное поведение</i>	<i>рискованное поведение</i>
<i>замыслы</i>	<i>завершенный суицид</i>				
<i>намерения</i>					

Table. The structure of auto-aggressive behavior

AUTO-AGGRESSIVE BEHAVIOR					
<i>suicidal behavior</i>		<i>auto-destructive behavior</i>			
internal forms	external forms	direct auto-destruction (self-harming behavior)		indirect auto-destruction	
<i>passive thoughts</i>	<i>suicide attempts</i>	<i>non-suicidal self-harming behavior</i>	<i>bodily modifications</i>	<i>addictive behavior</i>	<i>risky behavior</i>
<i>plans</i>	<i>a completed suicide</i>				
<i>intentions</i>					

системы предполагает, чтобы исследователь не просто говорил о развитии, а каждый раз ставил вопрос об эволюционном смысле возникновения того или иного феномена в порождающей его системе» (Асмолов 2007, 93).

При рассмотрении феномена телесных модификаций в современном обществе следует исходить из системного анализа и рассматривать телесные модификации в исторической перспективе и как продукт культуры. В рамках культурно-исторического подхода А. Ш. Тхостов рассматривает эмоции как высшие психические функции (ВПФ) и выделяет два полюса в «гипотетическом континууме» всех эмоциональных проявлений: аффект как натуральная функция (непроизвольная, неосознаваемая и беспредметная) и эмоция как высшая психическая функция (регулируемая, осознаваемая и определенная). Таким образом, зрелая эмоция обладает всеми характеристиками, присущими ВПФ: произвольностью, прижизненным формированием, иерархическим строением и знаково-символическим опосредствованием. Знаками, которые опосредствуют эмоцию,

являются мимика, жесты и речь (Тхостов, Колымба 2020). Опосредствование недифференцированных аффектов происходит в детском возрасте с помощью взрослого человека, который называет и таким образом означает переживания ребенка. Более того, взрослый может научить совладать со своими аффектами, «контейнирует» их, дает ребенку орудие — копинг-стратегию, которая интериоризируется во внутренний план. «Путем интериоризации изначально внешнего диалогического процесса во внутренние механизмы эмоциональной регуляции формируется зрелая эмоция, функция которой — овладение и управление своим поведением. Таким образом, эмоция приобретает произвольность, которая достигается не прямо (поскольку человеку невозможно “не чувствовать”), а опосредствованно, через знаково-символические операции» (Тхостов, Колымба 2020, 164). Но возможно, что не все переживания ребенка успешно проходят этот путь и становятся зрелыми эмоциями. В подростковом возрасте ребенок впервые сталкивается с душевной болью, переживанием одиночества или

собственной никчемности, с аутоагрессивными чувствами. Эти чувства слабо дифференцированы, иногда неосознаваемы, плохо контролируются. Подросток не может поделиться ими со взрослым, который мог бы их означить и «контейнировать», как это было в более раннем возрасте, когда ребенок плакал и ему приходили на помощь. Подросток ищет другие пути, чтобы опосредствовать свои переживания, и одним из таких способов являются, по всей видимости, модификации тела.

Также А. Ш. Тхостов указывает, что еще одним способом опосредствования аффектов является их опредмечивание: «...аффективное состояние превращается в эмоцию путем установления связи “аффект – предмет”. Это событие радикально меняет ситуацию: крик ребенка из проявления страха становится орудием овладения и управления этим страхом — призывом о помощи» (Тхостов, Колымба 2020, 165). Применительно к самоповреждающему поведению можно сказать, что импульсивные НССП являются патологическим проявлением аффективных переживаний, а телесные модификации (и неимпульсивные НССП) — это орудие овладения и управления этими переживаниями. Так, негативный аффект формирует аутоагрессивные эмоции в отношении своего «Я» и затем аутоагрессивные действия в отношении своего тела. Но если НССП или суицидальные действия осуждаются обществом и могут иметь последствия для субъекта, то телесные модификации позволяют, с одной стороны, реализовать аутоагрессивные импульсы относительно «безопасно» в социальном плане, с другой стороны — позволяют управлять этими импульсами. Овладение своими переживаниями происходит через «овладение» предметом эмоции, т. е. контроль над аутоагрессивными эмоциями осуществляется через «управление» своим телом, изменение его по своему усмотрению, полное распоряжение им.

«...Схема простого реактивного процесса [S-R, прим. авт.] замещается здесь, следовательно, схемой сложного, опосредствованного акта, где непосредственный импульс к реакции задержан и операция идет по обходному пути, устанавливая вспомогательный стимул, опосредствованно осуществляющий операцию» (Выготский 2003, 1099). Телесная модификация является этим вспомогательным стимулом, внешним, интерпсихическим знаком аутоагрессивного аффекта. Операцией же является контроль над аффектом.

Таким образом, в контексте культурно-исторического подхода установлен психологический

смысл телесных модификаций, который заключается в опосредствовании аутоагрессивного аффекта (натуральной психической функции) через внешний знак (модификацию тела) в процессе формирования зрелой эмоции как высшей психической функции.

Выводы

Телесные модификации — это сложная социализированная и окультуренная форма самоповреждающего поведения, которая возникла в результате эволюционного развития общества. Модификации тела являются социально приемлемым видом прямого аутодеструктивного поведения, которое предполагает не обусловленное медицинской необходимостью нарушение целостности тканей организма и направлено на изменение внешнего облика тела. Психологический смысл телесных модификаций заключается в том, что они являются орудием овладения и управления негативными и аутоагрессивными эмоциями в процессе формирования психической сферы индивида.

Рассмотрение феномена телесных модификаций позволяет установить взаимосвязь с особенностями психической сферы субъекта. Дальнейшее изучение этой проблемы даст возможность использовать объективную наблюдаемость модификаций тела в решении практических задач психодиагностики в сфере образования и профессионального психологического отбора.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Ениколопов С. Н. — идея исследования, редакционная правка текста публикации. Обиочная Т. В. — подготовка текста статьи, обзор литературных источников, формулирование выводов, оформление списка литературы.

Author Contributions

S. N. Enikolopov—the idea of research; editing the manuscript.

T. V. Obinochnaya—preparation of the text, theoretical review; formulation of conclusions; formatting the manuscript; preparation of the list of references.

Литература

- Асмолов, А. Г. (2007) *Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека*. 3-е изд. М.: Смысл; Academia, 447 с.
- Батлук, Ю. В., Пойлова, Я. П. (2020) Суицидальные тенденции у людей с татуировкой. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, т. 10, № 3, с. 338–352. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.309>
- Бондаренко, И. В. (2013) *Самореализация представителей молодежных субкультур посредством оформления внешности. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. Москва, СГА, 211 с.
- Борохов, А. Д. (1994) *Русская тюремная и военная татуировка: социально-психологические и судебно-психиатрические аспекты*. Иерусалим: Папирус, 185 с.
- Борохов, А. Д. (2018а) Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя. Часть 1. *Медицинская психология в России*, т. 10, № 1, статья 10. <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11100>
- Борохов, А. Д. (2018b) Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя. Часть 2. *Медицинская психология в России*, т. 10, № 3, статья 10. <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-13100>
- Бутромеев, В. П., Бутромеев, В. В. (ред.). (2011) *Иллюстрированная Библия. Пятикнижие Моисея*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 304 с.
- Волков, В. Н. (1989) *Медицинская психология в ИТУ*. М.: Юридическая литература, 256 с.
- ВЦИОМ-СПУТНИК — ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ. (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=207&q_id=16203&date=14.07.2019 (дата обращения 14.07.2022).
- Выготский, Л. С. (2003) *Психология развития человека*. М.: Смысл; Эксмо, 1136 с.
- Горденев, М. Ю. (2007) *Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Русского Императорского Флота*. М.: Кучково поле; Гиперборея, 272 с.
- Екинцев, В. И., Бондаренко, И. В., Замарехина, И. В. (2007) *Девиянтное поведение в молодежных субкультурах*. Чита: ЗабГГПУ, 154 с.
- Кубанцева, Д. И., Ростовская, С. Р. (2021) Смысловое содержание татуировок для юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет. *Общество: социология, психология, педагогика*, № 8, с. 161–169.
- Любов, Е. Б., Зотов, П. Б. (2020) Несуицидальные самоповреждения подростков: общее и особенное. Часть I. *Суицидология*, т. 11, № 3 (40), с. 44–71. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03\(40\)-44-71](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-44-71)
- Медникова, М. Б. (2007) *Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник*. М.: Языки славянской культуры, 216 с.
- Мельникова, Л. А., Карабанова, С. Ф., Коноплева, Н. А. (2014) *Татуировка как социокультурный маркер молодежных субкультур города Владивостока (конец XX – начало XXI века)*. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 166 с.
- Меринов, А. В., Васильева, Д. М. (2020) Татуировки у девушек: их значение для суицидологической практики. *Суицидология*, т. 11, № 1 (38), с. 153–159. [http://dx.doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-153-159](http://dx.doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-153-159)
- Пирожков, В. Ф. (2001) *Криминальная психология*. М.: Ось-89, 704 с.
- Польская, Н. А. (2010) Самоповреждение в молодежных субкультурах (по результатам исследований). В кн.: В. В. Гриценко (ред.). *Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы второй международной научной конференции 26–27 мая 2010 г. В 2 т. Т. 1*. Смоленск: Универсум, с. 214–217.
- Польская, Н. А. (2017) *Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук*. М., СПбГУ, 423 с.
- Польская, Н. А. (2021) *Психология самоповреждающего поведения*. М.: URSS; ЛЕНАНД, 320 с.
- Раш, Дж. Э. (2011) *История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантатов*. СПб.: Весь, 192 с.
- Руженков, В. А., Лобов, Г. А., Боева, А. В. (2008) К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение». *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*, № 32, с. 20–24. EDN: [LTWLNX](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-44-71)
- Смирнова, М. В., Марьин, М. И., Касперович, Ю. Г., Пастухова, М. В. (2020) Исследование личностных предикторов самоповреждающего поведения в форме телесных модификаций. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, т. 25, № 2 (81), с. 188–196. <https://www.doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12010>
- Собкин, В. С., Лыкова, Т. А. (2021) Распространенность татуировок среди учащихся общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты. *Психологическая наука и образование*, т. 26, № 5, с. 101–115. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260508>
- Тхостов, А. Ш., Кольмба, И. Г. (2020) Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты. В кн.: А. Ш. Тхостов (ред.). *Культурно-историческая патопсихология*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», с. 158–186.

- Хамбли, У. Д. (2014) *История татуировки: ритуалы, верования, табу*. М.: Центрполиграф, 253 с.
- American Psychiatric Association (2013) *Diagnostic and statistical Manual of mental disorders*. 5th ed. Washington: American Psychiatric Association Publ. [Online]. Available at: <https://archive.org/details/american-psychiatric-association-diagnostic-and-statistical-manual-of-mental-dis/page/n1/mode/2up> (accessed 27.06.2022).
- Bales, W. D., Bloomberg, T. G., Waters, K. (2013) Inmate tattoos and in-prison and post-prison violent behavior. *International Journal of Criminology and Sociology*, vol. 2, pp. 20–31.
- Favazza, A. R., Rosenthal, R. J. (1990) Varieties of pathological self-mutilation. *Behavioural Neurology*, vol. 3, no. 2, pp. 77–85. <https://doi.org/10.3233/BEN-1990-3202>
- Kluger, N. (2015) Epidemiology of tattoos in industrialized countries. *Current Problems in Dermatology*, vol. 48, pp. 6–20. <https://doi.org/10.1159/000369175>
- Stirn, A., Hinz, A. (2008) Tattoos, body piercings, and self-injury: Is there a connection? Investigations on a core group of participants practicing body modification. *Psychotherapy Research*, vol. 18, no. 3, pp. 326–333. <https://doi.org/10.1080/10503300701506938>
- Temiz, S. A., Özlü, E. (2021) Medical complications of tattoos. *Journal of the Turkish Academy of Dermatology*, vol. 15, no. 1, pp. 1–7. <http://dx.doi.org/10.4274/jtad.galenos.2021.02486>
- Walsh, B. W., Rosen, P. M. (1988) *Self-mutilation: Theory, research and treatment*. New York: Guilford Publ., 273 p.

References

- American Psychiatric Association (2013) *Diagnostic and statistical Manual of mental disorders*. 5th ed. Washington: American Psychiatric Association Publ. [Online]. Available at: <https://archive.org/details/american-psychiatric-association-diagnostic-and-statistical-manual-of-mental-dis/page/n1/mode/2up> (accessed 27.06.2022). (In English)
- Asmolv, A. G. (2007) *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Personality psychology: cultural and historical understanding of human development]*. 3rd ed., rev. Moscow: Smysl Publ.; Academia Publ., 447 p. (In Russian)
- Bales, W. D., Bloomberg, T. G., Waters, K. (2013) Inmate tattoos and in-prison and post-prison violent behavior. *International Journal of Criminology and Sociology*, vol. 2, pp. 20–31. (In English)
- Batluk, Yu. V., Poilova, Ya. P. (2020) Suitsidal'nye tendentsii u lyudej s tatuировкой [Suicidal tendencies in people with tattoos]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 338–352. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.309> (In Russian)
- Butromeev, V. P., Butromeev, V. V. (eds.). (2011) *Illyustrirovannaya Bibliya. Pyatknizhie Moiseya [The Illustrated Bible. The Pentateuch of Moses]*. Moscow: OLMA Media Group Publ., 304 p. (In Russian)
- Bondarenko, I. V. (2013) *Samorealizatsiya predstavitelej molodezhnykh subkul'tur posredstvom oformleniya vneshnosti [Self-realization of representatives of youth subcultures through appearance design]*. PhD dissertation (Psychology). Moscow, Modern University for the Humanities, 211 p. (In Russian)
- Borokhov, A. D. (1994) *Russkaya tyuremnaya i voennaya tatuировка: sotsial'no-psikhologicheskie i sudebno-psikhiatricheskie aspekty [Russian prison and military tattoo: socio-psychological and forensic psychiatric aspects]*. Jerusalem: Papyrus Publ., 185 p. (In Russian)
- Borokhov, A. D. (2018a) Mnogoosevaya klassifikatsiya tatuировок dlya integral'noj otsenki proyavlenij psikhopatologii lichnosti nositelya. Chast' 1 [Multi-axis classification of tattoos for integral assessment of manifestations of psychopathology of the personality of the wearer. Part 1]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 10, no. 1, article 10. <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11100> (In Russian)
- Borokhov, A. D. (2018b) Mnogoosevaya klassifikatsiya tatuировок dlya integral'noj otsenki proyavlenij psikhopatologii lichnosti nositelya. Chast' 2 [Multi-axis classification of tattoos for integral assessment of manifestations of psychopathology of the personality of the wearer. Part 2]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 10, no. 3, article 10. <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-13100> (In Russian)
- Favazza, A. R., Rosenthal, R. J. (1990) Varieties of pathological self-mutilation. *Behavioural Neurology*, vol. 3, no. 2, pp. 77–85. <https://doi.org/10.3233/BEN-1990-3202> (In English)
- Ekintsev, V. I., Bondarenko, I. V., Zamarekhina, I. V. (2007) *Deviantnoe povedenie v molodezhnykh subkul'turakh [Deviant behavior in youth subcultures]*. Chita: Transbaikalskaya Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky Publ., 154 p. (In Russian)
- Gordenev, M. Yu. (2007) *Morskie obychai, traditsii i torzhestvennyye tseremonii Russkogo Imperatorskogo Flota [Maritime customs, traditions and ceremonial ceremonies of the Russian Imperial Navy]*. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; Giperboreya Publ., 272 p. (In Russian)
- Hambly, W. D. (2014) *Istoriya tatuировки: ritualy, verovaniya, tabu [The history of tattooing]*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 253 p. (In Russian)
- Kluger, N. (2015) Epidemiology of tattoos in industrialized countries. *Current Problems in Dermatology*, vol. 48, pp. 6–20. <https://doi.org/10.1159/000369175> (In English)

- Kubantseva, D. I., Rostovskaya, S. R. (2021) Smyslovoe sodержanie tatuirovok dlya yunoshej i devushek v vozraste ot 14 do 20 let [The semantic content of tattoos for boys and girls aged 14 to 20 years]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 8, pp. 161–169. (In Russian)
- Lyubov, E. B., Zotov, P. B. (2020) Nesuitsidal'nye samopovrezhdeniya podrostkov: obshchee i osobennoe. Chast' I [Non-suicidal self-harm of adolescents: General and special. Part I]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 11, no. 3 (40), pp. 44–71. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03\(40\)-44-71](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-44-71) (In Russian)
- Mednikova, M. B. (2007) *Neizgladimye znaki: tatuirovka kak istoricheskij istochnik [Indelible marks: Tattoo as a historical source]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 216 p. (In Russian)
- Mel'nikova, L. A., Karabanova, S. F., Konopleva, N. A. (2014) *Tatuirovka kak sotsiokul'turnyj marker molodezhnykh subkul'tur goroda Vladivostoka (konets XX — nachalo XXI veka) [Tattoo as a socio-cultural marker of youth subcultures of the city of Vladivostok (late XX — early XXI century)]*. Vladivostok: Vladivostok State University Publ., 166 p. (In Russian)
- Merinov, A. V., Vasilyeva, D. M. (2020) Tatuirovki u devushek: ikh znachenie dlya suitsidologicheskoy praktiki [Girls' tattoos: Their significance for suicidological practice]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 11, no. 1 (38), pp. 153–159. [http://dx.doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-153-159](http://dx.doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-153-159) (In Russian)
- Pirozhkov, V. F. (2001) *Kriminal'naya psikhologiya [Criminal psychology]*. Moscow: Os'-89 Publ., 704 p. (In Russian)
- Pol'skaya, N. A. (2010) Samopovrezhdenie v molodezhnykh subkul'turakh (po rezul'tatam issledovanij) [Self-harm in youth subcultures (based on research results)]. In: V. V. Gritsenko (ed.). *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i kross-kul'turnoj psikhologii. Materialy vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 26–27 maya 2010 g. [Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Proceedings of the second International Scientific Conference May 26–27, 2010]*. In 2 vols. Vol. 1. Smolensk: Universum Publ., pp. 214–217. (In Russian)
- Pol'skaya, N. A. (2017) *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razvitii [Phenomenology and functions of self-injurious behavior in normative and impaired mental development]*. PhD dissertation (Psychology). Moscow, Saint Petersburg State University, 423 p. (In Russian)
- Pol'skaya, N. A. (2021) *Psikhologiya samopovrezhdayushchego povedeniya [Psychology of self-harming behavior]*. Moscow: URSS Publ.; LENAND Publ., 320 p. (In Russian)
- Rush, J. A. (2011) *Istoriya kul'tury tatuirovok, pirsinga, skarifikatsii, klejmeniya i vzhivleniya implantatov [Spiritual tattoo. A Cultural history of tattooing, piercing, scarification, branding, and implants]*. Saint Petersburg: Ves' Publ., 192 p. (In Russian)
- Ruzhenkov, V. A., Lobov, G. A., Boeva, A. V. (2008) K voprosu ob utochnenii sodержaniya ponyatiya “autoagressivnoe povedenie” [On the issue of clarifying the content of the concept of “autoaggressive behavior”]. *Nauchno-meditsinskij vestnik Tsentral'nogo Chernozem'ya*, no. 32, pp. 20–24. EDN: [LTWLNX](https://doi.org/10.17759/pse.2021260508) (In Russian)
- Smirnova, M. V., Maryin, M. I., Kasperovich, Yu. G., Pastukhova, M. V. (2020) Issledovanie lichnostnykh prediktorov samopovrezhdayushchego povedeniya v forme telesnykh modifikatsij [The study of personality predictors of self-destructive behaviour in the form of body modifications]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh — Psychopedagogy in Law Enforcement*, vol. 25, no. 2 (81), pp. 188–196. <https://www.doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12010> (In Russian)
- Sobkin, V. S., Lykova, T. A. (2021) Rasprostranennost' tatuirovok sredi uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [The prevalence of tattoos among students of secondary schools: Sociopsychological aspects]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 26, no. 5, pp. 101–115. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260508> (In Russian)
- Stirn, A., Hinz, A. (2008) Tattoos, body piercings, and self-injury: Is there a connection? Investigations on a core group of participants practicing body modification. *Psychotherapy Research*, vol. 18, no. 3, pp. 326–333. <https://doi.org/10.1080/10503300701506938> (In English)
- Temiz, S. A., Özlü, E. (2021) Medical complications of tattoos. *Journal of the Turkish Academy of Dermatology*, vol. 15, no. 1, pp. 1–7. <http://dx.doi.org/10.4274/jtad.galenos.2021.02486> (In English)
- Tkhostov, A. Sh., Kolymba, I. G. (2020) Emotsii i affekty: obshchepsikhologicheskij i patopsikhologicheskij aspekty [Emotions and affects: General psychological and pathopsychological aspects]. In: A. Sh. Tkhostov (ed.). *Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya [Cultural and historical pathopsychology]*. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya” Publ., pp. 158–186. (In Russian)
- Volkov, V. N. (1989) *Meditsinskaya psikhologiya v ITU [Medical psychology at ITU]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 256 p. (In Russian)
- VTSIOM-SPUTNIK — ezhednevnyj vserossijskij telefonnyj opros VTSIOM [VTSIOM-SPUTNIK—daily all-Russian telephone survey by All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. (2019) [Online]. Available at: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=207&q_id=16203&date=14.07.2019 (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- Vygotsky, L. S. (2004) *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Smysl Publ.; Eksmo Publ., 1136 p. (In Russian)
- Walsh, B. W., Rosen, P. M. (1988) *Self-mutilation: Theory, research and treatment*. New York: Guilford Publ., 273 p. (In English)